

Трансформация гуманизма: цель или катастрофа

Принцип гуманизма сопровождает всю европейскую историю, но конкретный смысл этого понятия постоянно меняется: колеблется от коллективизма к индивидуализму, от мистицизма к гедонизму, в результате многие усомнились в научности самого термина или, по крайней мере, в его актуальности. Любая форма гуманизма неизменно является утверждением ценности человека как личности, защищая его право на свободу, счастье и развитие, а вот смысл этих мифологем оказался не абсолютным. Кроме того, осмысление «человечности» невозможно без определения места человека (тоже исторического) среди других предельных оснований бытия: природы и Бога, а также его отношения к социуму. Сегодня в научном дискурсе для определения характерных черт современной культуры все чаще встречается упоминание новой разновидности гуманизма – трансгуманизма. Не претендуя на всестороннее его рассмотрение, попробуем выявить его основные маркеры.

Исходной идеей всех разновидностей этой философской концепции является признание прогресса («безграничного расширения», «продвижения без конца»), как непререкаемого закона существования Вселенной. Сама идея эволюции, конечно, не нова, благодаря этому сходству трансгуманизм можно было бы принять за обновленную версию Модерна, но у просветителей она включала представление о конечной цели этого движения (построение Царства Разума). Другое дело – бесконечный прогресс, в отсутствие цели он уже не может считаться развитием. Эта анархическая привязанность к изменениям вполне объяснима. Отказ от Бога как цели, однозначно развернутой в сторону блага и справедливости, поставил человека в ситуацию неопределенности, постоянного риска, когда страх жизни сравнялся по силе с неизбывным страхом смерти. Попыткой избежать такое

состояние стала новая форма утопии – решение проблем за счет отнесения их во времени: чем быстрее, самоотверженнее включаешься в изменения, тем меньше вероятность задуматься о происходящем. Предлагается идти вперед, не размышляя, не оплакивая жертвы, лишь меняя стратегии. Отсутствие финализма отличает трансгуманистов от философии Н. Федорова, которого, к сожалению, достаточно часто записывают в предтечи этого движения.[1, С.107-109]

Провозглашая добропорядочное отношение ко всем, трансгуманисты одновременно открыто заявляют о своей нетерпимости к учениям и организациям, разделяющим ценности, противоположные их идеям, куда попадают практически все религиозные, моральные, политические убеждения и социальные институты, ибо они не признают превосходство «самопорождаемых произвольных порядков», пытаются ограничить «самоэкспериментирование» и личную инициативу, да и просто устарели. [2] Именно под видом борьбы с пережитками традиционной и тоталитарной цензуры трансгуманисты стараются навязать современникам законы «свободного рынка», предлагают отказаться от социальной солидарности и просто человеческой морали в пользу крайнего индивидуализма, социально безответственной «свободы». Конфронтационность к государству и национальной культуре роднит эту философию с глобализмом. [См.3] Совершенствование человека понимается исключительно в индивидуалистическом ключе, речь не идет о верности, способности любить, самопожертвовании, только о физическом и интеллектуальном самоулучшении, достигаемом посредством научно-технического прогресса. Удивительным образом сегодня актуализируются оценки, данные русскими мыслителями (Н. Бердяевым, П. Флоренским, А. Ф. Лосевым, В.В. Библихиным) ренессансному гуманизму, все они отмечали, что разрушение традиционного уклада жизни, эмансипация от религиозного авторитета влечет за собой равнодушие к природе, аморализм и даже вырождение человечества.

Однако, трансгуманизм – весьма оптимистичная философия, не лишенная гедонистических принципов, ставящая перед собой цель максимизации счастья всех существ, особенно явно это выражено в аболиционистской версии. Тезис о счастье, как цели и смысле человеческой жизни, оспаривать трудно также, как и понимание вневременности блаженства, другое дело – как толковать само счастье и вечность, как его условие. Еще Аристотель объяснил субъективность понимания счастья, его унификация возможна только в случае низведения человека до биологического организма, когда количество потребления материальных благ можно считать единым и единственным критерием благополучия. Неслучайно в качестве желанной перспективы, оптимизации способа получения максимального удовольствия аболиционисты видят превращение всех существ Земли в единый сверхорганизм (утилитрониум). Не об этом ли Ж. Бодрийяр говорил как об «одноклеточной утопии, которая с помощью генетики открывает сложным существам доступ к судьбе, предназначенной для простейших». [4, С. 176]

В средствах для достижения комфортного самочувствия сторонники трансгуманизма не разборчивы: приемлемо все от психотропных препаратов до радикальной трансформации мозга. Но главная ставка делается на обретение бессмертия, приручение смерти: человек, по замыслу трансгуманистов, вправе сам решать, когда ему умирать и умирать ли вообще. Такое вольное обращение со смертью ставит это учение в оппозицию не только к религии, но и вообще к духовной культуре, которую можно считать историей осмысления этого феномена. Знание о своей смертности – условие обретения человеком осмысленности, тотальности, подлинности своего существования. Поэтому даже трактовка бессмертия как абсолютного блага для существа, определяемого как «бытие к смерти», не бесспорна. В христианстве бессмертие понимается не как отмена смерти, а как воскрешение, которое обретается только через преодоление своей греховной природы и не без сверхъестественного участия; трансгуманисты же отменяют все разговоры о грехе и ответственности за него, поэтому для

них бессмертие – это бесконечно долгое земное существование, бессмысленность которого многократно проиллюстрирована в литературе и искусстве. Любые проекты на эту тему сразу выводят нас за рамки человеческого мира.

Хотя разговор о средствах продления срока и улучшения качества жизни представляется интересным, тем более что эта часть в учении трансгуманизма получила самое развернутое пояснение. Все «позитивные» изменения в человеческой жизни ставятся в зависимость от научно-технического прогресса. Трансгуманизм – это форма сциентизма, разоблачением которой занимались несколько поколений представителей западной неклассической философии. Сторонники новой концепции борются с любой нелогичностью, не отдавая себе отчета в том, что это борьба не за жизнь, а с жизнью, не укладывающейся ни в какие логические схемы. Стоит ли так доверять науке, «логическая эволюция» которой, по мнению Ж. Бодрийера, «состоит во все большем отдалении от своего объекта, пока она не начинает обходиться без него вовсе: ее автономия становится от этого еще более фантастичной». [4, С.18] Этот французский философ считал науку «непоправимым насилием надо всем тайным, насилием со стороны цивилизации без тайн, ненавистью всей цивилизации к своим собственным основам». [4, С.23]

Эта характеристика позволяет задуматься над эволюцией западной цивилизации через историю толкования понятий «естественное» – «искусственное». В Античности искусственное или не признавалось (все есть части космоса), или осуждалось как неистинное; его реабилитация началась с распространения христианского учения о Творении, когда природное и искусственное, как созданное человеком, по сути были уравнены. В Новое время природный мир, включая человеческое тело, уподобили механизму, лишив осмысленности и одушевленности, сегодня доверия не заслуживает уже человеческий разум, его, как и все другие природные «исходники», намерены «усовершенствовать». Если в Античности природа – вечно живой

и разумный космос, начиная с эпохи модерна – уже не живой и не разумный, сегодня – даже не вечный, ибо поиск вечной жизни ведется в сфере искусственного, технологичного, виртуального. Планы трансгуманистов направлены на живого человека, чтобы преодолеть его естественность и сделать «живее живого», вот только двойное отрицание возвращает нас к мертвому.

Чаще всего почитатели и критики трансгуманизма обращают внимание на перспективы максимизации разума, благодаря которой станет возможен перенос сознания с примитивного биологического носителя (мозга) в виртуальную реальность. Споры о возможности создания искусственного интеллекта и последствиях его внедрения затмили другую, на мой взгляд, гораздо более важную проблему – отношения к телу. А между тем киборги, мутанты, клоны давно перешли рамки научной фантастики и стали конкретной задачей для трансформативных антропологических практик.[См.5] Подготовка к задуманной трансформации ведется, в том числе, средствами современного искусства, создающего «трогательные» сцены эмоциональной привязанности человека к оборотням, инопланетянам, роботам, т.е. существам чуждой телесной организации.

Именно наличие тела и, как следствие, хронотопа, во многом определяет видовую самоидентификацию человека, сведение же последнего к набору генов и совокупности электрических импульсов, в нечто бессмертное, перемещаемое на любой носитель есть расчеловечивание. Наше тело – не предмет, явленный для нас, оно источник чувственности и смысла. В основе человеческого опыта, а значит познания и понимания лежит касание, осязание, т.е. опыт тела. Постепенно в культуре тело вытесняется из коммуникации, заменяется на искусственные носители. Однако провал попыток моделирования творческого интеллекта подтверждает факт его разлитой телесности. Именно поэтому так опасны игры с телом – опыт новой телесности радикально и, что особенно важно, непредсказуемо меняет психику человека. Учитывая особый статус тела (быть сосудом души), все

религии жестко контролировали любые телесные практики, они и сегодня находятся в авангарде борьбы с трансгуманистическими экспериментами над человеческим телом. Невозможно не заметить эволюцию, которую пережило христианство в отношении к телу: начинало оно с аскетизма, как борьбы с телом, а сегодня ведет борьбу за тело, за сохранение его естественных (богом данных) форм. Особую настороженность вызывает также медиализация, виртуализация современной культуры, которая ведет к вытеснению реального тела его эфемерной рекламной имитацией, ставя тем самым под угрозу физическое выживание человечества, ибо, по мнению Бодрийера, «виртуальное и вирусное начала неразделимы... Именно потому, что само тело становится нетелом, превращаясь в виртуальную машину, вирусы овладевают им». [6, С.93]

Приветствуемые (и проплачиваемые) трансгуманистами научные исследования ставят перед собой задачу аналитического расчленения тела, вплоть до клеточного уровня, чтобы затем обеспечить серийное воспроизводство более успешных, унифицированных, освобожденных от избыточной сложности моделей. Но «тело, лишенное своей сути и своего смысла вследствие преобразования генетической формулы или биохимической зависимости» [4, С. 188], избавленное от своей половой определенности и неделимой конфигурации перестает быть телом. Техническое «совершенствование» тела, по сути, – его приговор, оно ведет или к уподоблению его протезу, или к деградации до уровня ракового метастаза (пролиферации). Ж. Бодрийер проследил тесную связь между направляющей идеей генетического кода и патологией рака: жизнь раковой клетки – ничем не сдерживаемый эгоизм, тогда как сложная жизнь состоящего из множества органов тела есть опыт сотрудничества, опыт другого. Смысл тела – быть ключом к миру и другому человеку, но любое искусственное принуждение к сходству лишает тело возможности исполнять эту первостепенную функцию.

В условиях истощенности, стертости различий (как итог в равной мере демократических преобразований в обществе и научных достижений) наступает повсеместная индифферентность как замкнутость, равнодушие, безразличие, упор на собственную исключительность ценой потери Другого и возможности развития. Только телесность сохраняет статус критерия подлинности происходящего в современных условиях вытеснения реальности симулякрами.

Литература

1. Секацкий А. Миссия пролетариата: Очерки.— СПб., 2016. — 496 с.
2. МорМаксПринципы экстропии.[Электронный ресурс]// URL: <http://transhuman.ru/biblioteka/transgumanizm/printsipy-ekstropii> (дата обращения: 10.02.2020)
3. Панарин А.С. Глобализация как вызов жизненному миру. За Хайдеггера.// Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста: Сборник.— М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 123 -154
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: ПОСТУМ, 2017. - 320 с.
5. Хоружий С.С. Проблема постчеловека или трансформативная антропология глазами синергической антропологии.// Философские науки. 2008, №2, с.10-31
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: "Добросвет", "Издательство "КДУ"", 2009. — 387 с.